

ТЕАТРАЛЬНЫЙ : РОМАН САВВЫ : МОРОЗОВА

Морозов Савва - 1995 - с. 14 - с. 1

Основатель морозовской династии – Савва Васильевич – крепостной крестьянин, сумевший откупиться в 1820 г., побывавший пастухом, извозчиком, ткачом, оставил после себя 4 фабрики. Его внук – Савва Тимофеевич – уже дипломированный инженер-химик. После окончания московского университета он стажировался в Кембридже, готовясь к защите диссертации, работал на текстильной фабрике в Манчестере, имел патенты на изобретения. В 1887 г. после знаменитой «морозовской стачки» стал 25-летним директором самой крупной из четырех – Никольской мануфактуры в Орехове-Зуеве.

Самое яркое увлечение, навечно прославившее имя Саввы Морозова, – Московский Художественный театр, которому суждено было на рубеже веков стать образцом высокого искусства. После известных 18-часовых «посиделок» Станиславского и Немировича-Данченко в «Славянском базаре» летом 1897 г. театр возник как товарищество с директором из трех человек (включая Савву Морозова). Основная часть взноса была сделана фабрикантом. Через год, когда театр оказался на грани краха, тот же Савва погасил долг и продублировал паевой взнос. В 1902-м он выкладывает уже 300 тыс. руб. и покупает у нефтепромышленника-миллионера Лянозова здание в Камергерском переулке, где помещалось варьете «Кабаре-буфф» с рестораном и царили весьма легкие нравы. Его друг, самый известный в ту пору московский архитектор, Франц Шехтель безвозмездно выполнил проект перестройки здания и за 7 (!) месяцев «вертел разврата», по словам Станиславского, был превращен в «изящный храм искусства» (не лишне напомнить, что недавняя реставрация этого хорошо известного здания заняла более 10 лет). Театр был оснащен по последнему слову техники – к примеру, вращался целый подпольный этаж под сценой (это во времена, когда редкостью была просто вращающаяся сцена), а с помощью поднимавшегося на сцене огромного люка перед зрителями возникали декорации пропасти, реки или горного склона. На долгие годы Художественный театр по техническим возможностям, удобствам и строгому театральному декору оставался флагманом

Вряд ли сегодня можно однозначно ответить на вопрос, что лежало в основе русского меценатства, принявшего во второй половине прошлого столетия характер массового подвижничества: то ли обращение к христианским заповедям в попытке спасти собственную душу, то ли желание заполнить жизнь обещанием с прекрасным... Одно непереложно – было оно бескорыстно.

не только среди российских театров.

Все было прекрасно, пока Морозов строил театр. Но вот начались театральные сезоны – и мгновенно в отношениях внутри триумvirата поползли трещины, быстро обернувшиеся пропастью. Как же купец (не важно, что беззаветно преданный театру и с отменным вкусом) смеет лезть в творческий процесс великих реформаторов сцены? Какие отношения существовали ме-

жду самими реформаторами, всем памятно из блестящей сатиры Михаила Булгакова. Честолюбивый, легко ранимый Савва Морозов был уязвлен в самое сердце.

Но «театральный роман» на этом не закончился. К этому времени относится его увлечение одной из ведущих актрис Художественного театра Андреевой. Разочарованная неудачей в личной жизни красавица ищет утешения в общественной (связав себя с РСДРП и выполняя различные поручения партии) и, конечно же, в разнообразных флиртах. Мимолетом она завлекает и Морозова. Но очень скоро для Андреевой это заканчивается гражданским браком с «пролетарским буреви́стником» (кстати, тоже одной из влюбленностей Саввы), а для Морозова – очередной занозой в сердце и... вовлеченностью в революционное движение. Он субси-

дирует издание «Искры», оказывает постоянную серьезную материальную помощь партии и даже

в посмертном завещании оставляет свой страховой полис на 100 тыс. руб. на имя Андреевой, большая часть которого была передана ею на нужды партии.

В преддверии декабрьских событий 1905-го расточительный в любви и эмоциях Савва Морозов, разочарованный в жизни, лишенный всего, что составляло ее смысл (в частности, семейство отстранило его, как либерала, от руководства фабрикой), впадает в глубокую депрессию (увы, психические расстройства – семейный недуг Морозовых). Оказавшись во Франции фактически под домашним арестом, в номере гостиницы в Канне он покончил с собой в возрасте 43 лет. Громадная траурная процессия на руках неслась его гроб от вокзального перрона Курского вокзала до старообрядческого Рогожского кладбища, где Савва Морозов и обрел последнее упокоение.

История злобно насмехалась над выдающимся меценатом. Его внук (полный тезка), сам незаурядная личность, доживал свои последние дни нынешней зимой в палате на 14 таких же парализованных стариков в Алексеевской больнице. Той самой, на строительство которой второй после Алексея учредительский пай внес в свое время его прадед. Другого выхода у семьи Морозовых просто не оказалось: в ходе двух революционных потрясений (1917-го и нынешней «перестройки») она оказалась финансово несостоятельной.

От ОЛЕГА АЛЕКСАНДРОВА